

КУРГАНЫ VIII В. У СЕЛА АСТАХОВО

Возле с.Астахово Свердловского р-на Луганской обл. экспедицией под руководством Г.Л.Евдокимова в 1975 г были исследованы два кургана хазарского времени: курган 4 группы I и курган 13 группы III (Евдокимов Г.Л. и др., 1975).

Курган 4 группы Астахово I

Курган 4 курганной группы I ("Насосная станция") представлял собой сложный археологический комплекс двух хронологических периодов: погребальное сооружение хазарского времени и разрушенное половецкое "святилище". Материалы святилища частично уже опубликованы ранее (Швецов М.Л., 1979). Погребение же и насыпь хазарского времени заслуживают отдельного рассмотрения в силу редкости данного типа памятников в регионе среднего течения Северского Донца¹.

Насыпь

Конструкция. Над основным погребением была сооружена насыпь, впервые нарушенная во время ограбления или же ритуального вскрытия погребения. Позже она была использована для обустройства культового комплекса половецкого времени и, вероятно, еще раз пострадала во время его разрушения. Непростая история формирования насыпи делает довольно сложным разграничение во времени появления тех или иных ее элементов.

На момент исследования курган представлял округлое земляное сооружение, поросшее кустарником. В отчете от руки вписаны размеры кургана: диаметр – 17 м и высота – 0,8 м (Евдокимов Г.Л. и др., 1975, с.11), но в дневнике А.Н.Загребельного указаны иные размеры: диаметр – 20 м, а высота – 1 м от современной поверхности, т.е. визуально курган казался более крупным.

В процессе раскопок, начиная с глубины 0,3 м от нулевой отметки, в черноземной насыпи кургана обнаружена каменная обкладка, которая залегала наклонно, понижаясь к краям насыпи, обо-

значая древние полы кургана. Выкладка состояла из сланцевых плиток размерами 0,25x0,35x0,05 м. Максимальная концентрация плиток наблюдалась в полах кургана, тогда как в его центре прослеживались только их отдельные скопления (рис.1).

Расположение камней панциря не было бессистемным. В наиболее пологой (расплывшейся) южной части насыпи, насыщенной камнями меньше, линия панциря приобрела округлые очертания, но в северной части насыпи наблюдаются отчетливые остатки слегка расплывшегося прямого угла (рис.1). Первоначально насыпь несомненно представляла собой подквадратное в плане сооружение с длиной стороны около 14 м и с плоской подквадратной вершиной с длиной стороны около 6 метров. Склоны насыпи были укреплены камнем, но на площадке сплошного покрытия не наблюдалось.

Ситуация расположения камней в центре сложнее. Глубже всего находились основания вкопанных половецких изваяний (0,76; 0,93 м), остатки же разбитых верхних частей обнаружены на глубине 0,3 метра. Несколько выше (0,23-0,26 м от ноля) залегали две группы относительно крупных камней – на восток от изваяний и к юго-западу от них (рис.1). Отметим, что верхняя часть камней крепиды располагалась на глубине 0,31-0,44 метра. Весьма вероятно, что указанные два развала сланцевых плит относились к конструктивным элементам святилища.

М.Л.Швецов без оговорок отнес к комплексу святилища всю каменную обкладку кургана, интерпретировав ее как кольцевую выкладку вокруг изваяний, и в такой трактовке курган был введен в научный оборот (Швецов М.Л., 1979, с.206-208). Половцы действительно сооружали для святилищ крепиды на древних курганах (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.192), но в нашем случае в последнем есть все основания усомниться. В первую очередь, обратим внимание на неточности публикации М.Л.Швецова. На представленном в публикации чертеже бровки кургана (Швецов М.Л., 1979, рис.7, 1) каменная крепида совпадает по размерам с самим курганом, а ее камни находятся в верхнем слое насыпи. В реальности, согласно дневнику, камни в

¹ В статье использованы материалы из Научного архива и фондов Института археологии НАНУ, а также из личного архива А.В.Евглевского.

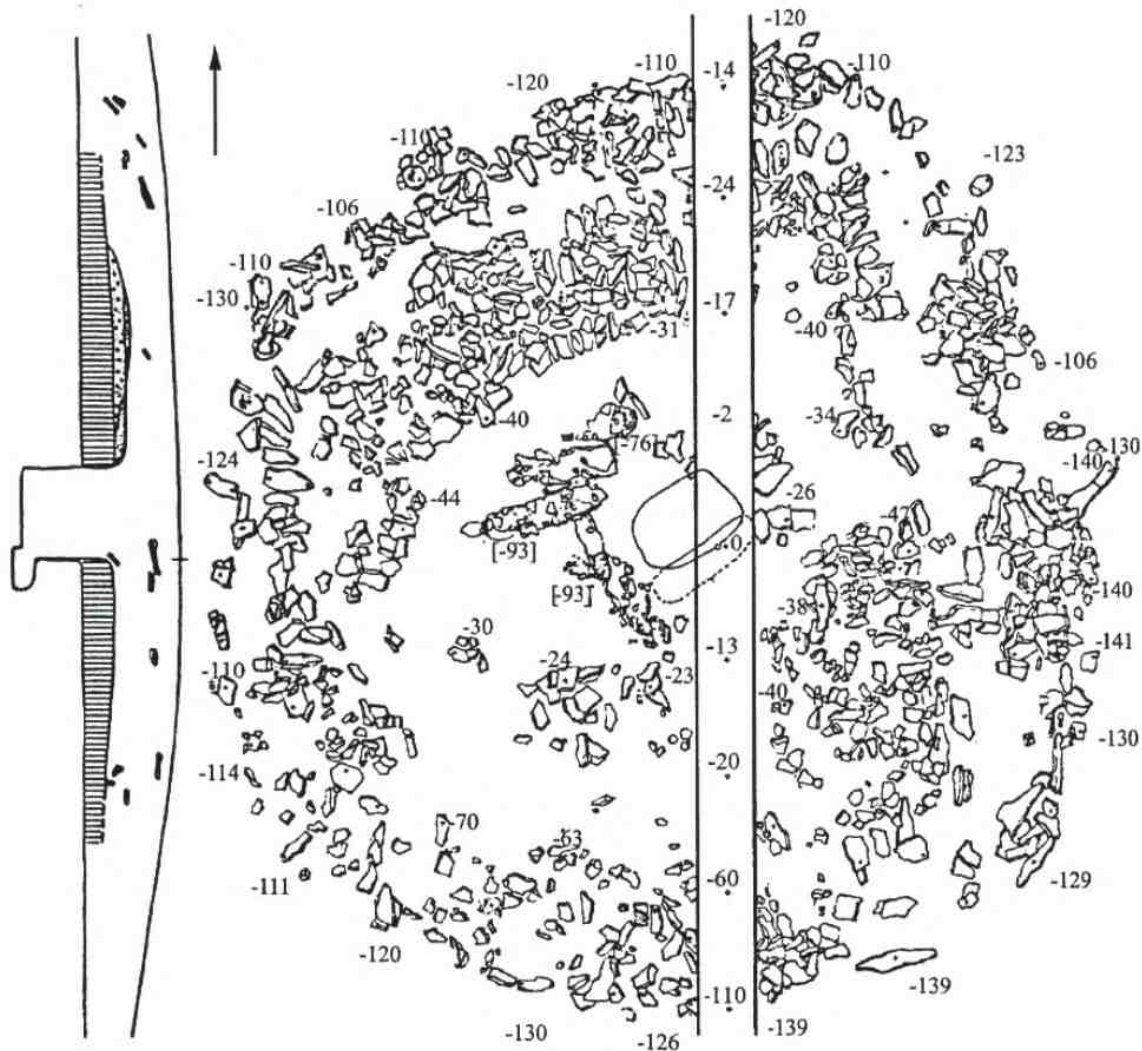

Рис. 1. Курган 4 группы I у с.Астахово. План и разрез (западная стенка бровки).

Fig. 1. Barrow 4 of barrow group I near Astakhovo village. The layout and the section (the western wall of the edge)

верхних слоев насыпи (на глубине 0,2-0,3 м) встречались только в ее центральной части, а т.н. “крепида” оказалась погребенной под слоем гумуса в 0,5-0,7 м, что полностью подтверждается и оригинальным чертежом бровки (рис.1).

Контрольное сравнение с другими исследованными курганами в округе с.Астахово показало, что эта ситуация необычна – у курганов с каменной крепидой камни либо достигали поверхности кургана, либо же фиксировались с глубины до 0,2 метра. В к.4 группы I у с.Астахово столь значительный объем чернозема никак не мог накопиться поверх камней естественным путем – речь однозначно идет о *досытке* кургана, не прослеженной авторами раскопок в силу схожести слоев. Интересно, что, согласно дневнику, на поверхности кургана

прослеживались “отдельные скопления камней”, т.е., кроме “погребенной крепиды”, существовали и какие-то каменные конструкции *на досытке*.

Как свидетельствуют записи дневника, камни крепиды первоначальной насыпи опускались ниже слоя погребенной почвы (в юго-восточной части кургана), что даже послужило авторам раскопок на некоторое время основанием для предположения о существовании рва. Но от этой мысли далее отказались, заключив, что в процессе строительства насыпи вокруг кургана был уничтожен весь гумусированный слой. Обычно в таких случаях древние строители срезали блоками дерн, при помощи которого хоть на некоторое время можно было задать определенную форму насыпи, превратив ее в архитектурный памятник (Скорый С.А., 1990, с.19-20).

В нашем случае также нетрудно убедиться, что вокруг кургана был срезан только тонкий слой дерна. Согласно фиксационным данным, погребенная почва залежала на уровне 1,3-1,5 м от ноля, материк – на глубине около 1,8 метра. Низ же каменной крепиды зафиксирован на глубине 1,3-1,41 м, т.е. все-таки фактически на уровне древней поверхности. Именно такая картина наблюдается и на чертеже разреза (рис.1). На наш взгляд, линия погребенной почвы хорошо читалась под центром насыпи именно благодаря погребенному дерну, там же, где он был снят, оплывшая насыпь черноземной досыпки сплелась с нижним слоем. Именно последнее обстоятельство обусловило различия в оценке диаметра кургана до (20 м) и после раскопок (17 м), поскольку по разрезу бровки (рис.1) оказалось трудным однозначно определить реальные границы насыпи. “Отчетные” размеры несомненно вычислены при помощи линейки по максимальной ширине крепиды на плане, но “незавершенность” разреза только подтверждает информацию дневника о большей площади кургана. Площадь земляной насыпи оказалась гораздо шире – она выходила за границы “погребенной крепиды” на 2-3 метра.

Несмотря на некоторую схематичность чертежа бровки (рис.1), на котором, к тому же, слабо проявлена крепиды, по линии погребенного дерна хорошо заметно, что первоначальная зона, отведенная насыпи, имела ширину всего около 10 м, но уже в процессе сооружения начального кургана насыпь вышла за установленные пределы, достигнув в основании ширины около 14 м. Ее высоту, учитывая понижение уровня вокруг кургана, определяет разница между глубинами залегания камней крепиды (0,3-0,4 и 1,3-1,4 м), т.е. ровно 1 метр. Разумеется, к моменту досыпки, законсервировавшей хазарскую насыпь, курган уже успел оплечь, что несколько уменьшило его первоначальную высоту, но вряд ли существенно.

На втором этапе (в половецкое время) насыпь увеличилась в диаметре на 3-5 м (если опираться на данные дневника) и в высоту как минимум на 0,3 метра. В центре площадки были вкопаны изваяния, а рядом при помощи камней устроены какие-то элементы святилища. К сожалению, расположению камней на поверхности кургана авторы раскопок не придали значения, поэтому зафиксированными оказались только две группы относительно крупных сланцевых плиток, давших наибольшую просадку. Позже, после завершения функционирования святилища, изваяния были разбиты и зарыты в землю. Об этом свидетельствует их чуть большая глубина залегания по сравнению с камнями верхнего слоя на площадке. Именно в результате неглубокого вкопа изваяния оказались практически на уровне площадки первоначальной насыпи, что, наряду с

использованием чертежа бровки непонятного происхождения, и заставило М.Л.Швецова отнести их к единому комплексу половецкого времени.

Обратим внимание, что на ошибочном разрезе из публикации М.Л.Швецова нет еще одной важной детали – сланцевых плиток в слое насыпи на уровне и чуть выше погребенной почвы. Согласно дневнику, обломки сланцевых плиток обнаружены и в заполнении хазарского погребения, а точнее, в заполнении “грабительского” вкопа, что означает наличие панциря на момент проникновения в могилу, но до совершения досыпки и обустройства святилища. Северо-западная линия каменного панциря начальной насыпи практически параллельна длинной оси хазарского погребения. Данный факт дополнительно указывает, что закрепленная панцирем подквадратная в плане форма насыпи несомненно задана в хазарское время, а ее ориентировка связана с ориентированием погребения. Кроме того, камень применялся в конструкции всех исследованных на данный момент курганов хазарского времени Луганского региона (Комар О.В., Пиоро В.И., 1999) и примыкающего к этой группе к.6 Белояровка (Моруженко А.А. и др., 1984), за исключением, возможно, разрушенного кургана из Горшковки (Красильников К.И., 1978).

По системе оценки трудозатрат, использованной Г.Е.Афанасьевым для салтовских городищ (Афанасьев Г.Е., 1993, с.143), для сооружения первоначальной земляной насыпи астаховского кургана нужно было затратить труд 15 человек при рабочем дне в 12 часов. Для создания каменной крепиды в нашем случае трудозатраты несколько выше (19-20 человек), что в сумме составляет уже труд 35 человек. Досыпка же (без учета камня, точный объем которого не зафиксирован), в зависимости от реальных размеров кургана, потребовала труда еще 13-14 человек, равноценного сооружению небольшого кургана.

Создается впечатление, что половецкие строители святилища в первую очередь пытались увеличить не высоту, а площадь насыпи, сделав ее одновременно более пологой и удобной для совершения ритуалов. Их досыпка скрыла от глаз камни хазарской крепиды, но вместо этого какие-то элементы своей каменной выкладки были обустроены на площадке в центре насыпи.

Суммируя данные о формировании астаховского кургана, мы заключаем, что первоначальная насыпь была сооружена над хазарским погребением из срезанного вокруг дерна, после чего ее склоны были укреплены сланцевыми плитками. Форма хазарской насыпи определяется как невысокая (около 1 м) усеченная пирамида со стороны большего основания около 14 м и стороны меньшего основания около 6 метров.

Аналоги. Квадратная форма основания земляной насыпи в VIII в. была характерной для раннесалтовских курганов “с квадратными ровиками” типа Соколовской Балки (Копылов В.П., 1981, с.105). Но в территориально ближайших погребениях соколовского типа – Обозное, Бобриково, Карпово-Крепинское (Комар О.В., Пиоро В.И., 1999) – никаких следов ровика обнаружено не было, а их насыпи состояли из рыхлого чернозема (что подсказывает использование дерна), покрытого каменной крепидой, или, как в кургане из Бобриково, из чернозема, смешанного с камнями.

Насыпи курганов из Обозного, Бобриково и Белояровка были сильно распаханы, поэтому о первоначальном характере крепиды судить сложно. В первом случае курган покрывал слой мелкого щебня, а во втором – на поверхности находились лишь отдельные крупные камни, тогда как сама насыпь состояла из перемешанного с камнем чернозема (результат распахивания?), в третьем – на распаханной поверхности кургана зафиксировано большое количество мелких фрагментов песчаника. И лишь территориально ближайший, но наиболее поздний в группе курган из Карпово-Крепинского (IX-X вв.) благодаря каменной крепиде на поверхности сохранил высоту 1,35 м, но здесь какой-либо геометрической системы в расположении камней крепиды не прослежено.

Несколько выбивается из группы курган I-й пол. IX в. из Горшковки, хотя здесь достоверная информация собственно о насыпи минимальна (Красильников К.И., 1978). К моменту исследования погребения большая часть этого кургана, расположенного на частной усадьбе, была уничтожена строительством, а его высота достигала не более 0,3 м, что, скорее всего, подразумевает, что он был с nivelирован. Остатки насыпи состояли из “чернозема, обильно насыщенного песком” (Красильников К.И., 1975, с.1). В отчете не упомянуты камни, да и выглядит необычным присутствие в насыпи песка. Возможно, здесь земля все-таки бралась из ровика, но о его существовании остается лишь догадываться, так как в Горшковке исследовалось только само погребение.

Конструкцию (или, вернее, планировку) “курганов с квадратными ровиками” в литературе давно принято сравнивать с древнетюркскими каменными “оградками” (Семенов А.И., 1982; 1988, с.101-109; Власкин М.В., Илюков Л.С., 1990, с.150-152; Bezuglov S.I., Naumenko S.A., 1999, с.398; Комар А.В., 2001а, с.13, 14). Но собственно рвы характерны на востоке лишь для алтайских “оградок” аютинского типа, по В.Д.Кубареву (Кубарев В.Д., 1984, с.51-55) и монгольских куруков I типа и части II типа, по В.Е.Войтову (Войтов В.Е., 1996, с.27-59), т.е. только для представителей высшей знати тюрков. Внутри больших куруков, обычно в их запад-

ной части, сооружались каменные насыпи в форме усеченной пирамиды (Кызласов Л.Р., 1979, с.129-131; Могильников В.А., 1981, рис.17, 2, 8; Войтов В.Е., 1996, рис.9-12). Более же простые и распространенные сооружения – “оградки” – совмещали в себе огражденное пространство и насыпь с квадратным основанием, что достигалось засыпкой камнями “оградки” после завершения ритуалов (Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXVIII, 2; XXXIX, 1; XLVII, 1; XLVIII, 1; Войтов В.Е., 1996, с.114-116).

Важная деталь: на момент раскопок большинство алтайских поминальных и надмогильных “оградок” выглядело как насыпь в виде невысокой усеченной пирамиды или же как оплывшая округлая насыпь, наличие же выложенного из плит квадратного сооружения устанавливалось только после раскопок. Технологию сооружения пирамидальной насыпи при помощи квадратной каменной выкладки у основания, засыпавшейся сверху грунтом или камнем, древние племена Азии использовали уже в эпоху бронзы (Урусманова Э.Р., Варфоломеев В.В., 1998, рис.5), позже это – ведущий способ сооружения таштыкских и киргизских чаатасов (Баранов Л.Н., 1975; Кызласов Л.Р., 1980; Азбелев П.П., 1994). Тюркское население Алтая VIII-X вв. также использовало для сооружения пирамидальных курганов квадратные каменные кладки (Могильников В.А., 2002, рис.30; 40; 117; 139; 159; 169; 170; 181; 185; 189; 191; 204; Кубарев Г.В., 2005, табл.40; 43; 87), но параллельно и обычную каменную крепиду, расплывавшуюся со временем (Кубарев В.Д., 1984, табл. XLIII, 1; Могильников В.А., 2002, рис.2, 1; 29; 31; 33; 36; 38; 39; 51-53; 56; 73; 79; 80; 97; 136; 141; 148; 151; 153; 202; Кубарев Г.В., 2005, табл.24; 58; 78; 135; 143).

Очень похожую ситуацию наблюдаем в Среднем Поволжье в памятниках новинковского типа VIII в., где для сооружения подквадратных или подпрямоугольных курганов использовали те же приемы: каменную “оградку” (Матвеева Г.И., 1997, рис.16; 36; 37; Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл. XXVI, 1; XVIII, 6) и укрепляющий каменный панцирь (Матвеева Г.И., 1997, рис.7; 11; 14; 27; 52; 82; 94; 99; Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл. XX, 3; XXI, 2; XXIII, 1; XXX, 4; XXXIII, 1; LVIII, 8; LX, 5; LXVII, 1, 2; LXXII, 1; Бражник О.И. и др., 2000, рис.2). В большинстве случаев курганы новинковского типа сложены из специально принесенного со стороны грунта, реже вокруг курганов фиксируются округлые ровики для выемки земли. Узкие же подпрямоугольные и подквадратные ровики в курганах новинковского, уренского и соколовского типов для такой цели служили лишь отчасти, либо вообще не служили, как хорошо заметно на примере кургана 3 могильника Семенкинский III, где выкид из рва располагался по контуру снаружи (Прокофьев Р.В., 2005).

Астаховский курган, задуманный в виде невысокой усеченной пирамиды с каменной крепидой, в общих чертах продолжает традиции азиатских кочевников огромного региона от Казахстана до Монголии, а для ситуации VIII в. отражает на данный момент западную границу распространения тюркских насыпей данной конструкции.

По мнению В.Е.Войтова, такие насыпи и засыпанные "оградки" символизировали в представлениях древних тюрков священную гору с квадратным основанием и плоской вершиной, на которой обитали божества и духи (Войтов В.Е., 1996, с.116-117). Отметим также, что и само представление древних тюрков о сакральной "земле-воде" как четырехугольном мире, заканчивавшемся плоской горной вершиной (Кляшторный С.Г., 2003, с.241, 242), могло послужить основанием для создания ее модели в виде квадратных каменных выкладок и плоских насыпей с квадратным основанием. На вершине "священной горы" росло золотое дерево, уходящее ветвями в небо, символ которого в виде столба или ствола дерева с корнями обычно находился внутри тюркских оградок (Кубарев В.Д., 1984, с.64-66), в курганах же с квадратными ровиками подобным примером может быть столб из к.2 Кутейникова II (Парусимов И.Н., 1998, рис.15, 1, 5). У подножия такой горы обычно располагали пещеру – вход в Нижний мир (Гафиуллина К., 2002, с.69). Таким образом, мифологическая гора выступала связующим звеном между Нижним, Средним и Верхним мирами.

У древних киргизов созданная на могиле усеченно-пирамидальная насыпь одновременно несла выраженную поминальную функцию (Азбелев П.П., 1990), у тюрков же присутствовало разделение мест погребения и поминания, выразившееся в существовании двух типов памятников: курганов и поминальных "оградок". Астаховский курган задумывался как сооружение погребальное, но в половецкое время произошло своеобразное совмещение его функций после создания на площадке насыпи половецкого святилища.

Погребение

Погребальный обряд. Погребение располагалось в центре кургана, было совершено в яме с подбоем (рис.2, 1). Входная яма ориентирована по оси СВ-ЮЗ. Форма ямы неправильная: юго-восточная стенка прямая, юго-западный и северо-восточный углы скруглены, тогда как остальные стенки входной ямы соответствуют форме неправильного овала. Размеры входной ямы: 1,92 x 1,08 м, дно зафиксировано на глубине 2,42 м от ноля, углублено в материк на 0,62 м (1,22 м от уровня древней поверхности). Вполне вероятно, что неправильная

форма ямы и ее ширина, явно завышенная пропорционально к камере подбоя, заданы во время более позднего проникновения в могилу. Вокруг входной ямы под насыпью прослежен материковый выкид в форме овального кольца размерами 4,6 x 2,6 м, толщиной 0,5-0,7 метра. Но, как свидетельствует разрез (рис.1), основная часть грунта высыпалась все же на северо-запад от ямы.

В юго-восточной стенке входной ямы сооружен подбой подпрямоугольной формы со слегка срезанным восточным углом. Свод подбоя почти ровный в центральной части. Размеры камеры: 2,14x0,6 м, высота – 0,32 м, дно – на глубине 2,58 м от ноля. По сравнению с входной ямой, камера подбоя длиннее на 0,22 м в юго-западной части и глубже на 0,16 м.

Погребение было нарушено вследствие проникновения в него в древности. Заполнение вкопа состояло из материковой глины, смешанной с черноземом, в котором встречались обломки сланцевых плиток крепиды – несомненное свидетельство вскрытия могилы вкопом от вершины насыпи. В верхней части заполнения входной ямы находились кости скелета лошади, также встречались кости человека, обломки металлических гвоздей и неопределенных металлических предметов.

В камере подбоя *in situ* располагались только кисть левой руки, а также левая берцовая кость и фаланги стопы, указывающие на юго-западную ориентировку погребенного. Обломки раздавленного черепа были сдвинуты под стенку в юго-западном углу подбоя. Расположение сохранившихся костей указывает на вытянутое на спине положение погребенного. Довольно отдаленное от колена расположение левой кисти указывает, что у погребенного были слегка согнуты в локтях руки (обычно, это не деталь обряда, а лишь следствие распухания тела при разложении), а наклон левой стопы вправо – на небольшой наклон тела вправо, характерный при помещении умершего в камеру подбоя, сооруженного в правой стенке входной ямы. Судя по объему оставшегося неиспользованным материкового выкида под насыпью, камера подбоя первоначально не была заполнена грунтом.

По скудным остаткам инвентаря, найденным в основном в засыпке входной ямы, можно заключить, что погребенный сопровождался лепным сосудом, луком со стрелами, украшениями одежды и, возможно, также панцирем и сбруей.

Проникновение в могилу произошло после насыпки кургана и несомненно после полной скелетации тела человека и лошади. Ко времени проникновения успел рассыпаться сложноставный лук, подгнили кожаные ремни и тканевая основа, на которой была нашита индикация монеты. В то же время точность, с которой яма проникновения

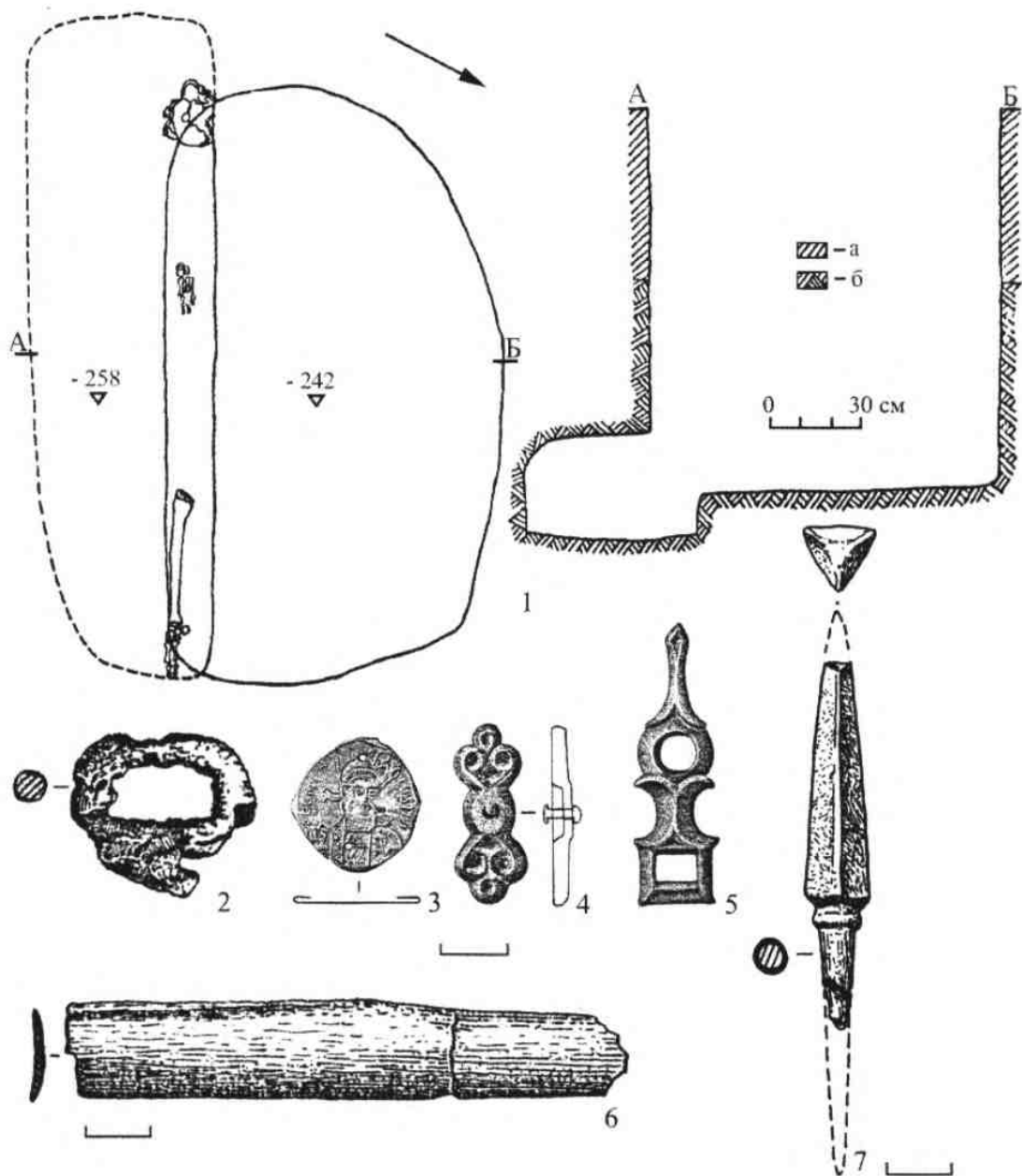

Рис. 2. Погребение из к.4 Астахово I. 1 – план и разрез погребения: а – погребенный чернозем; б – материк; 2 – железная пряжка; 3 – золотая индикация монеты; 4 – серебряная бляшка; 5 – бронзовая подвеска; 6 – фрагмент роговой накладки лука; 7 – железный наконечник стрелы.

Fig.2. The burial from barrow 4 of Astakhovo I. 1 – the layout and the section: a – buried humus; б – subsoil; 2 – an iron buckle; 3 – a gold coin indication; 4 – a silver application of a belt; 5 – a bronze pendant; 6 – fragment of bone overlay of the composite bow; 7 – iron arrowhead

попала на входную яму погребения, может подсказывать, что в нем участвовали свидетели погребения. В противном случае следует предполагать, что заполнение входной ямы со временем дало заметную усадку, которая хорошо читалась на поверхности насыпи.

Цель проникновения весьма напоминает ограбление, поскольку кости человека были небрежно сброшены во входную яму, а из погребения изъят практически все вещи, за исключением пропущенных мелких. Но, с другой стороны, по статистике А.А.Иванова, аналогично разрушены 72%

погребений типа Соколовской Балки (Иванов А.А., 2000, с.17), что заставляет считать проникновение в могилу с разрушением скелета, скорее, частью особого ритуала, существование которого в среде населения Хазарского каганата наиболее последовательно аргументируется В.С.Флёровым (Флёров В.С., 1993; 2000; 2005). Из двух территориально ближайших погребений из Обозного и Бобриково (Комар О.В., Пиоро В.И., 1999) одно также оказалось разрушенным с изъятием инвентаря и части костей (Бобриково). Разрушено прокопом с верха насыпи еще одно погребение “донецкой” группы – п.1 к.6 Белояровка (Моруженко А.А. и др., 1984, с.48).

Наконец, еще одним косвенным свидетельством в пользу версии о ритуальном вскрытии может быть тот факт, что в Астахово яма проникновения была немедленно засыпана. Об этом говорит не только отсутствие дождевых замывов. Заполнение входной ямы погребения состояло из перемешанной материковой глины и чернозема, в то время как следов второго материкового выкида в черноземной насыпи не зафиксировано – весь вынутый из погребения грунт был засыпан назад.

Инвентарь. Инвентарь погребения преимущественно изъят при нарушении погребения. Его остатки обнаружены во входной яме: бронзовая “лировидная” подвеска, серебряная фигурная бляшка, обломки костяной накладки лука, железная пряжка, железные пластинки, наконечник стрелы, обломок лепного сосуда и золотая индикация монеты. Золотая индикация монеты была найдена на 0,2 м выше дна входной ямы, а на ее дне находился наконечник стрелы; еще один черешок от стрелы найден в подбое.

В фондах Института археологии НАНУ сохранилась лишь часть предметов. Утрачена (рассыпалась?) часть неопределенных обломков железных предметов; также не удалось найти бронзовую “лировидную” подвеску. Из железных предметов очищен и закреплен только наконечник стрелы, из остальных – толстый слой коррозии, что затрудняет их описание и атрибуцию.

1. Бронзовая литая “лировидная” подвеска (рис.2, 5). Длина – 4,2 см, максимальная ширина – 1,1 см; ширина прорези рамки и диаметр отверстия по центру подвески – 6 миллиметров.

Описывая находки подобных предметов в салтовских или тюркских погребениях, обычно принято подчеркивать условность их названия и функциональной принадлежности. Впрочем, нет сомнения, что металлические “лировидные” подвески происходят от полифункциональных тюркских костяных застежек, возможно, первоначально использовавшихся в узде как детали чумбура (Савинов Д.Г., 1984, с.127; табл. II, 11, 12; III, 18; Кубарев Г.В., 2005, с.137, рис.39, 1-7). В Восточной Европе обломок подобной застежки найден в п.3 к.5 Малой

Рязани I (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл. LXIV, 4). Форму тюркских костяных застежек полностью повторяют раннесалтовские литые подвески из к.24 Новосадковского могильника (Власкин М.В., Ильюков Л.С., 1990, рис.4, 9) и Херсонеса (Баранов И.А., 1990, рис.7, 12). Более изящные декорированные экземпляры находились в к.5 Кривой Луки XXVII (Федоров-Давыдов Г.А., 1984, рис.7, 5) и п.2 к.1 могильника Саловский I (Копылов В.П., Иванов А.А., 2007, рис.7, 2-5), астаховская подвеска отличается от них более скромным оформлением “ножки”, а от подвески из кремационного салтовского п.17 Сухой Гомольши (Аксенов В.С., Михеев В.К., 2006, рис.10, 6) – круглым отверстием по центру. Аналогичные привески не известны у авар, их появление и распространение в Восточной Европе несомненно связано с новым тюркским импульсом влияния VIII в. (Комар А.В., 2001б, с.108, 109).

В погребении из к.5 Кривой Луки XXVII две парные “лировидные” подвески найдены возле седла, а в п.2 к.1 могильника Саловский I – три экземпляра в составе сбури. В синхронных же тюркских погребениях литые лировидные подвески обычно единичны или непарны и находятся в составе наборных поясов в виде нефункциональных привесок (Добжанский В.Н., 1990, табл. XXVI; Овчинникова Б.Б., 1990, с.36; Савинов Д.Г., 1984, с.127; табл. IV, 2, 3; Кубарев Г.В., 2005, рис.13, 1). Астаховский экземпляр несомненно также представляет собой чисто декоративную подвеску сбури или пояса, но, учитывая, что он найден в заполнении разрушенного погребения, более точное определение невозможно.

2. Серебряная литая фигурная бляшка (рис.2, 4; 3, 2). Бляшка симметрична, удлиненной формы с тремя завитками на концах. Крепилась к ремню серебряной заклепкой с круглой шляпкой, расположенной в центре бляшки. Обратная сторона бляшки уплощена, только в центральной части она облегчена конусовидным углублением, указывающим на использование для отливки двусторонней формы. С лицевой стороны маленькие углубления декоративных завитков доработаны дополнительно ударами чекана (на обратной стороне остались следы второго чекана, на который опирали бляшку при ударе) и, вероятно, также резцом. Размеры бляшки: 2,7x1,1x0,2 сантиметра.

В синхронных раннесалтовских курганах точных аналогий бляшке нет. По форме и конструкции ей ближе всего литая бляшка из п.2 одиночного кургана Брусая II (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл. LXXIV, 5) и аналогичная серебряная бляшка из к.2 группы “Частые курганы” (раскопки В.В.Ключникова 2001 г). В аварских комплексах отдаленно близки только несколько более удлиненные литые бляшки-“пропеллеры” варианта 00810 по П.Штадлеру (Stadler P., 2005, Propeller 00810; Daim

F., 1987, taf.58, 15; Kiss A., 2001, taf.96, 5). Бруснянское погребение и погребение к.2 группы "Частые курганы" нарушены аналогично астаховскому, поэтому установить предназначение бляшек практически невозможно – судя по массивной заклепке, бляшка располагалась на довольно толстом ремне или на наложении двух ремней. А вот в аварских комплексах бляшки-"пропеллеры" обычно украшали пояс.

3. Железная пряжка с остатками язычка (рис.2, 2; 3, 3). Рамка овальной формы, в сечении круглая. На ней сохранились остатки уплощенного кованого язычка. Размеры: 2,7x1,7 см, в сечении – 0,2-0,3 сантиметра.

Представительной выборкой железных пряжек из раннесалтовских подкурганых погребений мы, к сожалению, пока не располагаем. В опубликованных на сегодня комплексах полностью преобладают большие пряжки трапециевидной формы, реже "лировидной", на фоне которых маленькая овальная пряжка из Астахово выглядит, скорее, исключением. С другой стороны, очевидны их функциональные различия, ведь астаховская пряжка предназначена для ремешка шириной всего до 1,4 сантиметра. Небольшие круглые пряжки можно отметить в п.1 к.2 Саловского IV и п.1 к.10 Дружбы (Парусимов И.Н., 1998, рис.19, 20; 51, 2); две округлые пряжки входили и в состав сбруи п.1 к.1 Куцега XII (сер. IX в.) (Яценко В.В., 2007, рис.4, 4, 6). Маленькие овальные пряжки в комплексе с большими подпружными обычны для погребений алтайских тюрков (Кубарев Г.В., 2005, табл.16, 1, 2; 98, 6; 99, 12, 13; 111, 14).

4. Железный трехлопастный наконечник стрелы с упором и треугольным пером (рис.2, 7; 3, 5), острие и черенок обломаны. Длина сохранившейся к настоящему времени части – 5,5 см, ширина пера – 0,8 см, диаметр упора – 0,6 см, максимальный диаметр черешка – 0,5 сантиметра. Реконструируемая длина пера наконечника – около 4,5-5 см, черенка – около 3,5 см, что в сумме составляло длину наконечника около 8-8,5 сантиметров.

Лопастни наконечника (рис.2, 7) очень узкие, сходят на нет к острию пера, треугольному в сечении. Это "универсально-бронированная" конструкция, при неплохой проникающей способности позволяющая, тем не менее, сохранять большую устойчивость стрелы в полете по сравнению с треугольными в сечении наконечниками. Наконечники данного типа называют "удлинённо-треугольными трехлопастными". Ареал и хронология их распространения довольно широки – тюрки, кимаки, кочевники Южного Приуралья, верхнеобская культура (Худяков Ю.С., 1986, с.111, 143, 144, 183, 184, рис.49, 4; 64, 7; 82, 3; Иванов В.А., 1987, с.173, рис.1, 1). В Восточной Европе это довольно редкий тип; он представлен в Цебельде (Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К., 1982, рис.1,

8), п.4 к.11 Шелехметь (Бражник О.И. и др., 2000, рис.4, 9), Чир-Юрте (Магомедов М.Г., 1983, рис.19, 1, 2), Дюрсо (Дмитриев А.В., 2003, табл.89, 4, 7-9), Сухой Гомольше (Аксенов В.С., Михеев В.К., 2006, рис.9, 9), могильнике Лысый Горб (Аксенов В.С., Воловик С.И., 1999, рис.4, 16). Для салтовских наконечников у астаховского экземпляра слишком узкие лопасти, и он сам несколько крупноват, но это закономерно, учитывая, что наиболее усиленный костяными накладками сложносоставной лук в салтовском ареале использовали именно кочевники, оставившие памятники соколовского типа. Ближайшей же аналогией наконечнику является экземпляр из п.2 к.1 могильника Саловский I (Копылов В.П., Иванов А.А., 2007, рис.16, 2).

5. Два фрагмента костяной накладки (рис.2, 6; 3, 4). Внешняя поверхность заполирована, на внутренней – продольные насечки для склеивания. Размеры сохранившегося фрагмента: 8,4x1,2-1,4 см, толщина – 0,2 сантиметра.

Пластина, скорее всего, – фрагмент накладки лука. Учитывая размеры, а также небольшую кривизну, его можно идентифицировать как фрагмент нижней части концевой накладки лука "хазарского" типа (см.: Савин А.М., Семенов А.И., 1998; Круглов Е.В., 2005а), аналогичной накладкам из Обозного (Комар О.В., Пиоро В.И., 1999, табл.2, 8, 9) и п.2 к.1 Саловского I (Копылов В.П., Иванов А.А., 2007, рис.15, 1, 3).

6. Железные пластины – 6 экз. (рис.3, 6-11). Покрываются коррозией, поэтому их атрибуция авторами раскопок как панцирных пластин условна.

6а. Пластина трапециевидной формы, слегка прогнута; в верхней части по центру, возможно, остатки короткого железного гвоздика (рис.3, 9). Размеры: 5,1x2,9 сантиметра.

6б. Пластина подовальной формы (рис.3, 11), размеры: 2,8x2,4 сантиметра.

6в. Пластина U-образной формы (рис.3, 10), обломана; размеры: 3,3x2,4 сантиметра.

6г-д. Два фрагмента пластин U-образной формы с отпечатками кожи с одной стороны (рис.3, 7, 8); размеры: 1,8x1,6; 1,8x1,4 сантиметра.

6е. Пластина округлой формы, по контуру – плоский бортик шириной 2 мм (рис.3, 6). Размеры: 3,1x3 сантиметра.

Из-за состояния пластин установить наличие в них отверстий для крепления не представляется возможным, но благодаря двум экземплярам с отпечатками кожи ясно, что хотя бы часть из них крепилась к кожаной основе. Впечатление панцирных создают лишь трапециевидная, овальная и U-образные пластины (рис.3, 9-11), которые могли принадлежать нагрудному панцирю чешуйчатой конструкции (Худяков Ю.С., 1986, рис.69, 2, 6, 8-10; 89, 1-5; Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.,

Рис. 3. Инвентарь из погребения к.4 Астахово I. 1 – золотая индикация монеты; 2 – серебряная бляшка; 3 – железная пряжка; 4 – фрагмент роговой накладки лука; 5 – железный наконечник стрелы; 6, 9-11 – железные пластины; 7, 8 – железные пластины с отпечатками кожи; 12 – фрагмент доннышка лепного сосуда.

Fig.3. Goods from barrow 4 of Astakhovo I. 1 – a gold coin indication; 2 – a silver application of a belt; 3 – an iron buckle; 4 – a bone detail of the composite bow; 5 – an iron arrowhead; 6, 9-11 – iron plates; 7, 8 – iron plates with leather imprints; 12 – a fragment of the bottom of the hand-made pottery

1987, рис.8-10; Худяков Ю.С., Соловьев А.И., 1987, рис.1, 4, 7, 8; 2, 13-19; 4, 13, 17; 5, 6-8; 6, 1, 2; Деревянко Е.И., 1987, табл.VII, 1-3; VIII, 2-4, 7, 8; Худяков Ю.С., 1991, рис.41, 13-15; Горбунов В.В., 2003, рис.4, 3, 4; 6; 21, 5, 6; 26; Dien A.E., 2000, fig.9; 11; Hong Y., 2000, fig.1).

Судить о принадлежности данных пластин к защитному доспеху затруднительно еще по одной причине – отсутствие синхронных восточноевропейских аналогий. В курганах соколовского типа детали доспеха в основном представлены обрывками кольчуги (Иванов А.А., 2002, с.38). Находки же панцирных пластин связаны с комплексами кон.VII – нач.VIII

в.: “Царский курган” (Атавин А.Г., 1996, табл.19, 4), к.1 Восточномалайского II могильника (Лимберис П.Ю., 1987), к.35 Ливенцовского VII могильника (Илюков Л.С., 2004, рис.112), Керчь (Кубарев Г.В. и др., 2003, рис.1-4), где речь идет об узких длинных пластинах совершенно других типов, отражающих использование ламеллярного панциря.

Дневниковые записи позволяют заключить, что в астаховском погребении обломков железных предметов было первоначально больше, и встречались они в заполнении ямы вместе с гвоздиками. Поэтому мы не исключаем, что речь могла идти и о деталях обивки седла.

7. Фрагмент доньшка лепного сосуда (рис.3, 12). Тесто рыхлое, на сломе серого цвета; обжиг неравномерный: снаружи темно-серый, внутри – оранжевый. На внешней стороне стенки у доньшка заметны два уплощения. Форма и размеры сосуда не восстанавливаются.

8. Золотая индикация византийской монеты (рис.2, 3; 3, 1). Сделана из тонкого золотого (900-й пробы) листа с загнутыми краями, что указывает на первоначальное наличие какой-то жесткой органической основы, заменяющей монету-оригинал. Выполнена тиснением с последующим наведением вручную линий с обратной стороны для большей рельефности оттиска. По вертикальной оси индикации – два отверстия. Размеры: 2x1,8 см, толщина с загнутыми краями – 0,15 см; вес – 0,56 грамма.

Индикация выполнена с аверса солида Константина IV типа N14, по С.Мориссон (Morisson С., 1970, р.380) или класса IV варианта 14, по Ф.Гриерсону (Grierson Ph., 1968, р.531), чеканенного в период 681–685 годов. Император изображен в доспехах и шлеме с гребнем и перьями, на правом плече держит копье, борода округлая, нечетко проработана, завязки диадемы на уровне уха; круговая надпись PCONST A N(?)USPPA. От себя изготовитель индикации добавил проработку штрихами гребня и ободка шлема.

В кочевнических погребениях Восточной Европы солиды Константина IV 674–681 и 681–685 гг чеканки обнаружены в к.2 Подгорненского IV (Безуглов С.И., Науменко С.А., 1999, с.36) и солид 681–685 гг в погребении из Романовской (Семенов А.И., 1985, с.91). Последний идентичен астаховской индикации также как и один из солидов из к.2 Подгорненского IV (Безуглов С.И., Науменко С.А., 1999, фото 4) – речь несомненно идет об одном поступлении. Вполне вероятно, что с этой же партии монет поступили и другие солиды Константина IV из к.2 Подгорненского IV. И в Романовской, и в к.2 Подгорненского IV эти солиды сочетались с солидом Леонтия II (695–698 гг), в последнем погребении также были солиды Юстиниана II 687–692 и 692–695 гг чеканки (Безуглов С.И., Науменко С.А., 1999, с.36). Все солиды из к.2 Подгорненского IV (за исключением наиболее раннего 674–681 гг чеканки) так же как и астаховская индикация были дважды пробиты по оси портрета. Подобная картина и с солидами Юстиниана II 687–692 и 692–695 гг чеканки из п.1 к.2 Саловского IV (Парусимов И.Н., 1998, рис.20, 15–17). Не исключено, что это сделали не сами кочевники, а монеты просто были сняты с крупного мониста, которое поступило в качестве дара к ко-

чевникам вследствие событий 695–705 гг (Круглов Е.В., 2002, с.88, 89; Комар А.В., 2006, с.52, 53).

Бронзовая индикация, возможно, с солида Константина IV, найдена в салтовской кат.131 Дмитровки (Плетнева С.А., 1989, рис.58). Все индикации и подражания византийским монетам из этого могильника (кат.69, 92 – Тиберий III (698–705 гг)) имеют по два отверстия (Плетнева С.А., 1989, рис.58, с.111), что может объясняться не только их функцией нашивки, но и копированием с уже пробитого солида. Обнаруженная в склепе 2 восточной группы Кугульских склепов Пятигорья на Северном Кавказе имитация мониста была создана из серебряных позолоченных индикаций монет Тиберия III (698–705 гг) (Рунич А.П., 1979, с.245). Из Камунты происходит плоская золотая индикация солида Юстиниана II 705–715 гг (Уварова П.С., 1902, с.22, табл.5), дважды пробитая по вертикальной оси аверса. Наконец, сходная дважды пробитая золотая индикация аверса солида Константина IV (668–685 гг) в 2007 г была обнаружена значительно восточнее – в подкурганном погребении VIII–IX вв. могильника Шестаки II верхнеобской культуры².

Появление индикаций монет в среде кочевников и алан представляет довольно интересную проблему. В VII – нач. VIII в. задача копирования монет решалась преимущественно отливками. Так, в разрушенном кургане 1925 г из Екатеринославской губ. ожерелье состояло из 72 серебряных позолоченных отливок с солидов Константа II (Голенко К.В., 1956). Грубая золотая отливка солида Ираклия и Ираклия Константина 613–629 гг найдена в составе ожерелья в Келегеях (Семенов А.И., 1991, с.124; рис.1, 3), схематическая имитация – в к.1 Шиловки (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл. XIII, 10). Показательно, что в кургане из Екатеринославской губ. все отливки выполнены с характерно дважды пробитого солида, т.е. предметом копирования была не монета, а само украшение-монисто, встречающееся, кстати, преимущественно в мужских комплексах. Та же ситуация и с индикациями – все они имеют по два отверстия, но далеко не все, подобно астаховской, объемные, подразумевающие наличие твердой основы.

С.А.Плетнева предположила, что отверстия служили для пришивания индикаций на основу головного убора, что соответствует позднеантичной традиции украшения индикациями диадем (Засецкая И.П., 1993, табл.12, 20, 21; 21, 73, 75; 48, 221; 54, 228). Из 9 подобных дмитровских украшений 5 практически плоские без орнамента, бляшка из кат.129 покрыта точечным узором, а из кат.87 – невнятные расчесами; индикации монет из кат.131 и 92 объемные, а в кат.69 было позолоченное медное литое подражание

² Публикация комплекса мне пока не известна. Информация почерпнута с ресурса ZENO.RU – Oriental Coins Database. Находка поступила в музей “Кузнецкая крепость” (Новокузнецк).

солиду (Плетнева С.А., 1989, с.111, рис.58). Находки из Мошевой Балки наглядно демонстрируют способы использования аланами подражаний монетам как нашивок на налобные повязки и одновременно для вpletения в косички, но в данном случае речь идет о плоских экземплярах (Ierusalimskaja A.A., 1996, abb.33; 107; 109). Показательны и случаи использования в качестве нашивок монет и подвесок с ушком (Ierusalimskaja A.A., 1996, abb.109, 9; 165). В античной и аланской традиции это украшение женское, но в случае с кочевниками речь в основном идет о мужских погребениях.

По мнению С.И.Безуглова и С.А.Науменко, найденные в кочевнических погребениях пробитые солиды могли использоваться либо как звенья небольшого ожерелья, либо как имитирующие его нашивки на одежду и служили таким образом своеобразным знаком статуса (Безуглов С.И., Науменко С.А., 1999, с.41). Интересен один момент – в Келегеях и к.1 Шиловки литые золотые имитации солидов принадлежали монетам, минимум на 50 лет старше самого погребения. Индикации, в отличие от массивных и более практичных в использовании отливок, не могли надолго запаздывать по отношению к монете-оригиналу. Но в кочевнических и салтовских погребениях они принадлежат в основном солидам Константина IV (681-685 гг) и Тиберия III (698-705 гг) и происходят из погребений, аналогично младших как минимум на 50 лет. И лишь в аланских погребениях Северного Кавказа из Камунты и Кугульского восточного склепа 2 индикации монет Тиберия III и Юстиниана II действительно происходят из погребений, близких по времени к дате чеканки монет. Приходится констатировать, что копированию у кочевников подлежали не любые монеты, а именно древние, являющиеся для их собственника и окружающих не только украшением, но и предметом, имеющим определенную знаковую символику.

Дата погребения

А.И.Семенов положил начало длительной дискуссии о датирующих способностях византийских монет из погребений раннесалтовского круга, опираясь на так и неизложенные в письменном виде собственные представления о хронологии предметов из комплексов, декларировав в основном небольшое запаздывание монет VIII в. по сравнению с временем совершения погребения (Семенов А.И., 1991; 1993). Часть исследователей безоговорочно поддержала это мнение, механически используя монеты для датировки погребений (Безуглов С.И., Науменко С.А., 1999; Безуглов С.И., 2007; Иванов А.А., 2000; 2001; Аксенов В.С., 1999; 2005), другие, в том числе и автор, обратили внимание на необхо-

димость индивидуального рассмотрения каждого случая в рамках предложенных хронологических систем (Комар А.В., 1999; 2006; Круглов Е.В., 2002; 2005б; Гавритухин И.О., 2005).

Индикация монеты Константина IV 681-685 гг чеканки из астаховского кургана в целом должна подчиняться системе обращения солидов у кочевников, поскольку это хрупкое золотое изделие могло быть изготовлено лишь непосредственно с оригинала солида и имело мало шансов его пережить. В концепции жесткой взаимосвязи “дата монеты – дата погребения” она должна бы указывать на датировку кургана последней четвертью VII в., максимум началом VIII в., обоснование чего на практике сталкивается с непреодолимыми препятствиями. Более того, последнее касается и синхронизации астаховского погребения с комплексами, содержащими оригинальные солиды Константина IV этого же периода, – Романовской и к.2 Подгорненского IV.

Политическая чехарда в Константинополе кон. VII – нач.VIII в. обусловила небольшие объемы эмиссий монет императоров Юстиниана, Леонтия, Анастасия, Тиберия, Вардана. В этих условиях наиболее стабильными оказались монеты предыдущих выпусков – Константа II и Константина IV. Монеты Константина IV, судя по кладам, находились в Византии в обороте до сер.VIII в. (Grierson Ph., 1965, p.219; Vryonis S., 1963, p.293). Непосредственно Константин IV и Леонтий II не контактировали с кочевниками Восточной Европы, нет в нашем распоряжении и косвенных данных о возможности каких-либо политических выплат в это время – монеты несомненно попали к хазарам вследствие контактов с Юстинианом II и Тиберием III в 700-705 годах. Погребенный из Астахово каким-то образом был связан с группой кочевников, получившей выплату, отраженную в погребениях с ярким византийским влиянием из Романовской и к.2 Подгорненского IV. Но ни один предмет из этих комплексов не позволяет их синхронизировать с астаховским погребением.

Наиболее четко определяет дату астаховского погребения “лировидная” подвеска, аналогий которой пока нет в погребениях горизонта Галиат-Геленовка и фазы I раннесалтовского горизонта. В то же время ей близки подвески из п.2 к.1 могильника Саловский I (Копылов В.П., Иванов А.А., 2007, рис.7, 2-5), к.5 Кривой Луки XXVII (Федоров-Давыдов Г.А., 1984, рис.7, 5) и к.24 Новосадковского могильника (Власкин М.В., Ильюков Л.С., 1990, рис.4, 9). “Лировидные” подвески с кольцом, близкие по декору, найдены в том же п.2 к.1 могильника Саловский I (Копылов В.П., Иванов А.А., 2007, рис.7, 1), п.1 к.2 Обозного (Комар О.В., Пиро В.И., 1999, табл.1, 3) и п.15 Старокорсунской (Каминский В.Н., 1987, рис.3, 23). Все эти ком-

плексы в разработанной нами схеме периодизации принадлежат к фазе 2 раннесалтовского горизонта (горизонт Столбище-Старокорсунская) (Комар А.В., 1999; 2006, с.121). “Лировидная” подвеска для астаховского погребения оказывается основным хронологическим признаком и в более узкой периодизации погребений соколовского типа А.А.Иванова, относя погребение ко второй хронологической группе (Иванов А.А., 2000, с.14-15).

Ряд уточнений данной периодизации предложил И.О.Гавритухин (Гавритухин И.О., 2005), но использование в работе только деталей поясных наборов вызвало целый ряд проблем, на которые нам уже приходилось обращать внимание (Комар А.В., 2006, с.88-91). Специалистам нетрудно догадаться, что предпринятая исследователем попытка “коррекции” нашей схемы периодизации раннесалтовских древностей в значительной степени была обусловлена жанром и задачами статьи, одной из главных целей которой была попытка синхронизации шкал аварской и восточноевропейской хронологий. В желании выделить в Восточной Европе аналог “I позднеаварского периода”, наиболее ярким памятником которого является клад золотых и серебряных украшений из Врпа, исследователь обратился к золотым украшениям из Столбища, предшествующим, по его мнению, горизонту серебряных наборов „Саловского-Романовского”, но в реальности не имеющим прямых аналогий ни в комплексах “I позднеаварского периода”, ни, тем более, в комплексах горизонта “Галиат-Геленовка”.

Нам уже приходилось акцентировать внимание на том, что основные ошибки исследователем допущены именно в вопросе “переходных” комплексов, отражающих постепенную “ломку” традиций перещепинской культуры и начало формирования раннесалтовского горизонта, влиявших в той или иной степени и на культуру народов, входивших в зону влияния Хазарского каганата. Это действительно был очень сложный процесс, в котором при поверхностном взгляде трудно правильно разграничить “ранние” и “поздние” сочетания признаков. А тем более было трудно оперировать как эталонными на тот момент еще не введенными полностью в научный оборот комплексами: п.2 к.1 Саловского I, к.1 Романовского I, Большой Орловки и др.

В предложенной нами схеме эволюции культуры фаза I раннесалтовского горизонта характеризуется сочетанием признаков, а иногда и механическим смешением вещей горизонтов Галиат-Геленовка и Столбище-Старокорсунская. Подобное сочетание, например, наблюдаем в кат.52 и 79 Дмитровки (Плетнева С.А., 1989), кат.15 Старого Салтова (Аксенов В.С., 1999), п.1929 г Тепсея (Майко В.В., 2004), п.1 и 2 к.2 Саловского IV (Парусимов И.Н., 1998), п.4 к.22 Брусян II (Багаутдинов Р.С. и др., 1998) и др.

Наряду с ними, смешение признаков двух горизонтов наблюдаем и в п.2 одиночного кургана Брусян II. Стремена и удила из погребения (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.LXXIII, 1, 2) аналогичны комплекту из наиболее раннего кургана соколовского типа горизонта Галиат-Геленовка – к.14 Подгорненского IV (Bezuglov S.I., Naumenko S.A., 1999, fig.3, 1, 8, 9), но фигурные рамчатые накладки (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.LXXIV, 3, 7) – бляшкам из п.60 Верх-Саинского могильника (Голдина Р.Д., Водолага Н.В., 1990, табл.XXXI, 54) и к.19 Центрального VI (Копылов В.П., 1979, рис.176, 2) раннесалтовского горизонта, из которых п.60 Верх-Сай несомненно принадлежит к фазе I. Обратив внимание на п.2 одиночного кургана Брусян II нас заставляет аналогия “пропеллерообразной” бляшке из Астахово. У авар близкие бляшки-“пропеллеры” появляются еще в заключительной фазе среднеаварского горизонта Игар (Kiss A., 2001, taf.96, 5) и закономерно бытуют в начальной фазе позднеаварского периода (Daim F., 1987, abb.29, 65) синхронно горизонту Галиат-Геленовка и фазе I раннесалтовского.

Косвенным фактом в пользу относительно “ранней” даты астаховского погребения может быть и лепной сосуд, учитывая, что в Обозном сосуд был уже раннегончарным, а погребении 1-й пол.IX в. из Бобриково находился целый набор “классической” гончарной салтовской посуды. Наконец, возможное наличие в погребении из Астахово панцирных пластин служит таким же косвенным, но все же “архаичным” признаком, учитывая, что замена панцирей кольчугами у восточноевропейских кочевников произошла именно к сер.VIII в.

И, хотя все эти предметы не могут выступать “сильными” единичными признаками, мы все же склоняемся к датировке астаховского погребения фазой I раннесалтовского горизонта, особенно учитывая тот факт, что и “лировидная” подвеска из комплекса не является точной аналогией экземплярам из п.2 к.1 Саловского I, а выполнена в несколько более простой манере. Косвенным фактом в пользу относительно “ранней” даты астаховского погребения может быть и лепной сосуд, учитывая, что в Обозном сосуд был уже раннегончарным, а в погребении 1-й пол.IX в. из Бобриково находился целый набор “классической” гончарной салтовской посуды. Наконец, возможное наличие в погребении из Астахово панцирных пластин служит таким же косвенным, но все же “архаичным” признаком, учитывая, что замена панцирей кольчугами у восточноевропейских кочевников произошла именно к сер.VIII в.

Абсолютные рамки горизонтов аргументировались нами (Комар А.В., 1999; 2006, с.123-125). В погребениях горизонта Галиат-Геленовка и фазы I раннесалтовского горизонта позднейшие монеты принадлежат Тиберию III (698-705 гг) (Большая Орловка,

п.1 к.2 Саловского IV). Формирование этих комплексов происходило в основном раньше нового притока византийской монеты в 30 гг VIII в. после брака сына Льва III и дочери хазарского кагана Вирхора и однозначно до перенесения ставки Вирхора в Крым после поражения от арабов в 737 году. Одновременно 737 г выступает надежным историческим ориентиром времени появления салтовских памятников в бассейне Северского Донца, что позволяет разграничить во времени собственно горизонт Галиат-Геленовка и фазу I раннесалтовского горизонта.

Абсолютные границы фазы 2 раннесалтовского горизонта определяют солиды Льва III и Константина V: в п.2 к.1 Саловского I 725-732 гг чеканки, в к.11 Соколовской балки 728-732 гг, в к.1 Романовского I 737-741 гг (Семенов А.И., 1978, с.180-181; 1991, с.125; Копылов В.П., Смоляк А.Р., 1988, с.59-60). Солид периода 737-741 гг сочетался с солидом Константина V 741-751 гг (Семенов А.И., 1991, с.125), а позднейшая византийская монета из погребений фазы 2 – это солид Константина V 751-757 гг из п.164Б Нетайловки (Zironkina O., 1997, p.251). Близкий рубеж сообщают и погребение этой же фазы из склепа 364 Скалистого с солидом Константина V 741-775 гг (Кропоткин В.В., 1962, с.34; Веймарн В.Е., Айбабин А.И., 1993, с.167), а также погребение к.7 Петрунино IV фаз 2-3 с дирхемом Абу-Джафар Ал-Мансура 756/757 г (Круглов Е.В., 1992, с.182). Первые погребения данной фазы появились не ранее 40 гг VIII в., а учитывая монеты из Нетайловки и Петрунино, основная часть комплексов попала в землю уже после 751 года.

Финал фазы 2 фактически обусловлен политическим разрывом между хазарами и Византией в 60 гг VIII в., на протяжении которого постепенно исчезло византийское влияние в сфере материальной культуры (фаза 3 и горизонт I/II), завершившееся появлением "классического" салтовского горизонта II (Комар А.В., 1999, с.129-133). Яркой иллюстрацией этого процесса являются п.249 Нетайловки, где вместе с ранним поясным набором горизонта II в поясе находились отливки двусоставных бляшек, аналогичных находкам из п.164Б Нетайловки, и половинка аналогичного солида Константина V 751-757 гг (Крыганов А.В., 1998, с.10, табл.VIII), а также погребение из Чистяково с поясом горизонта III, где аналогичный солид сохранился уже в виде двух четвертей (Тахтай А.К., 1999).

Кратковременный переходной период фазы 1 можно условно ограничить рамками около 737-751 гг, а фаза 2 приходится на около 751-770 годы. По имеющимся в нашем распоряжении остаткам инвентаря погребение из Астахово может быть пози-

ционировано на рубеже фаз I и 2, т.е. ориентировочно оно совершено в рамках около 737-750 годов.

Курган 13 группы Астахово III

Курганная группа III располагалась в 600 м к СЗ от группы I и состояла из трех курганов, образующих в плане равнобедренный треугольник с вершиной из самого высокого кургана группы. Небольшой распаханый курган № 13 располагался к ЮЗ от большого кургана.

Высота кургана до раскопок определена в 0,3 м, диаметр – в 12 м; после исследования было установлено, что погребальный чернозем залегал на глубине 0,7 м, а диаметр кургана несколько больше – 15 м. Характер насыпи не описан, вероятно, она состояла из дерна и чернозема, поскольку вокруг кургана, подобно ситуации с к.4 Астахово I, чернозем оказался срезанным. При исследовании насыпи найдены кости лошади и дно лепного сосуда. Важно отметить отсутствие ровика. Под насыпью обнаружено одно погребение, расположенное в центре со смещением в восточный сектор (рис.4, 1).

Погребение совершено в яме с подбоем, ориентированной по оси СВ-ЮЗ³ (рис.4, 2). Входная яма овальная, размерами 1,8x1,2 м; дно – на глубине 1,55 м. Под северной стенкой расположена ступенька высотой 0,1 и шириной 0,3 м; в южной сооружен подбой размерами 1,9x1,2 м; дно – на глубине 1,65 м от репера.

Погребение нарушено проникновением. В заполнении ямы встречены только отдельные фрагменты черепа человека, а также часть погребального инвентаря: железный нож, фрагменты костяных накладок седла и лука, скоба, фрагменты лепного сосуда. Судя по наличию костей коня и лепного дна в насыпи, проникновение совершено, как и в к.4 Астахово I, прокопом через насыпь. Изъятие всех крупных костей из погребения противоречит версии об ограблении – очевидно, проникновение совершено с ритуальной целью.

Инвентарь

1. Железный нож (рис.4, 5). Черешок обломан, длина сохранившейся части – 9,3 см, максимальная ширина – 1,7 см. На острии сохранились остатки дерева, возможно, от ножен.

2. Центральная боковая костяная накладка сложносоставного лука (рис.4, 9). Длина сохранившейся части, судя по рисунку – 13,8 см, реконструи-

³ Ориентировка погребения на отчетных планах диаметрально различается, представленная здесь опирается на описание дневника.

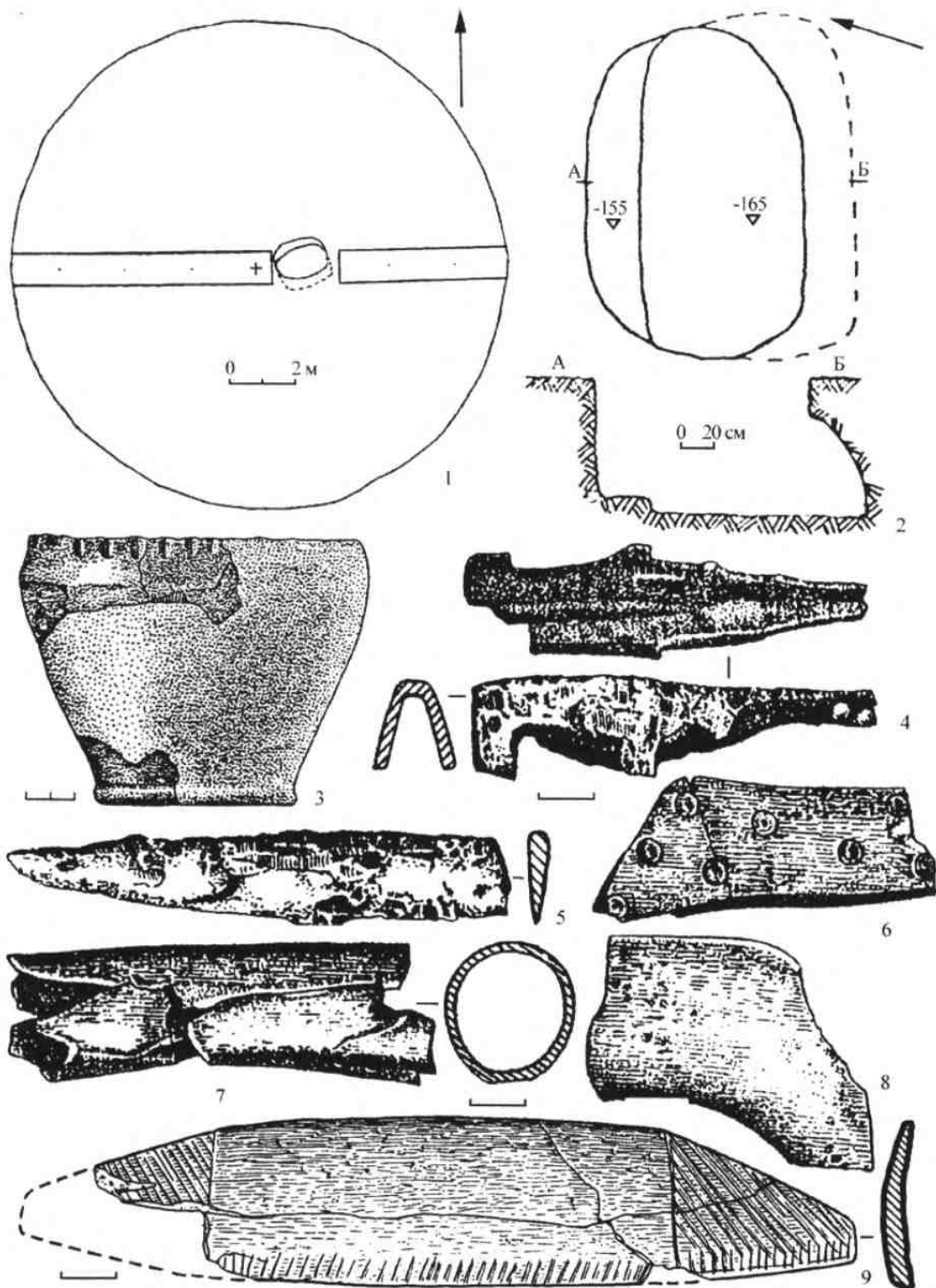

Рис. 4. Погребение из к.13 Астахово III: 1 – план кургана; 2 – план и разрез погребения; 3 – лепной горшок; 4 – металлическая скоба; 5 – железный нож; 6, 8 – фрагменты костяных накладок лук седла; 7 – фрагмент костяной рукояти; 9 – центральная костяная накладка лука.

Fig. 4. The burial from barrow 13 of Astakhovo III: 1 – the layout of the barrow; 2 – the layout and the section of the burial; 3 – a hand-made pot; 4 – a metal staple; 5 – an iron knife; 6, 8 – fragments of bone overlays of saddle arches; 7 – a fragment of the bone handle; 9 – the central bone overlay of the composite bow.

руемая полная длина – около 15-15,5 см; максимальная ширина – 3 см. Кончики накладок срезаны; по длинному краю и на концах лицевой части нанесены косые насечки, а на внутренней – продольные насечки для склеивания.

Центральные боковые накладки луков “хазарского” типа различаются по размерам и по форме. Размер астаховской накладки (15x3 см) относит ее в группу луков с укороченной рукоятью (Круглов Е.В., 2005а, с.80). По форме накладки образуют три основных варианта: “трапециевидные”, “листовидные” и промежуточный вариант – “трапециевидные со скругленной длинной стороной”, к которому относится астаховская. В рамках последней группы следует выделить аналогии со срезанными кончиками накладок – Новоаксайский, к.13 и Сидоры, к.34 (в последнем с луком “салтовского” типа) (Круглов Е.В., 2005а, рис.30, 1; 34, 11).

3. Фрагмент костяной накладки на луку седла (рис.4, 8). Ширина фрагмента – 4,1 см, длина – 5,2 см; ширина дуги – 3 см. Внешняя сторона заполирована, на обратной – редкие насечки для склейки.

Судя по форме накладки, она принадлежала передней луке тюркского седла “кокльского” типа. В Мелитопольском кургане зафиксированы фрагменты железных равных по размеру оковок луку седла (Болтрик Ю.В., Комар А.В., 2005, рис.2, 8, 14), характерные для салтовских памятников. В случае же с астаховским седлом возможна разная ширина его луку, если вторая накладка из комплекса (рис.4, б) также принадлежала луку.

4. Фрагмент костяной накладки с циркульным орнаментом (рис.4, б). Длина сохранившейся части – 6,5 см, ширина – 2,6 см, ширина дуги – 2 см. Внешняя сторона заполирована, на обратной – поперечные насечки для склейки. Вероятно, накладка украшала заднюю луку седла.

5. Металлическая скоба (рис.4, 4). Длина – 7 см, ширина – 2,2 см, высота – 1,5 см. Предназначалась для скрепления кожи на бортике деревянного предмета, скорее всего, деревянной полки седла.

6. Фрагмент костяной трубки с железными окислами внутри. Длина фрагмента – 8 см, диаметр – 2,5 см.

Судя по наличию внутри трубки остатков железа, предмет можно атрибутировать как рукоять (плети?).

7. Фрагменты лепного сосуда раструбовидной формы с защипами по венчику (рис.4, 3). Реконструируемые размеры: диаметр венчика – около 12,5 см, тулова – 13,5 см, дна – 8 см; высота – 10,5 см. Сосуд серого обжига, на изломе – черного цвета; в тесте – примесь ракушки.

Сосуд слабо вписывается в раннесредневековый контекст погребения, больше напоминая сосуды срубной культуры. Не исключено, что он вто-

ричного использования (пример нахождения в раннесредневековом погребении сосуда эпохи бронзы можно отметить в Нетайловском могильнике) или же случайно попал в насыпь с культурным слоем.

Дата погребения

Скудные остатки инвентаря не позволяют узко датировать погребение, но его определенное сходство с погребением к.4 Астахово I (основное подкурганное погребение в подбое в сопровождении костей коня, ритуально разрушенное с изъятием части костей и инвентаря) указывает на приблизительную временную близость курганов. Наиболее четким самостоятельным хронологическим репером здесь выступает костяная накладка лука, аналогии которой в Восточной Европе представлены в основном в подкурганных погребениях VIII в.

Этнокультурная принадлежность курганов

Основное подкурганное погребение в подбое, сооруженном в южной стенке входной ямы; вытянутое на спине положение скелета с ориентировкой на юго-запад; сопроводительное захоронение коня во входной яме; нарушение скелета после проникновения в могилу – все эти признаки в комплексе характерны для кочевнических памятников Волго-Донских степей VIII в., выделяемых С.А.Плетневой в отдельный локальный вариант салтовской культуры (Плетнева С.А., 1981, с.71; 1999, с.121-128), А.А.Ивановым – в “культуру курганов с квадратными ровиками” (Иванов А.А., 2000), а А.И.Семеновым и Е.В.Кругловым – в “тип Соколовской Балки” или “соколовский тип” (Семенов А.И., 1978; 1997; Круглов Е.В., 1990; 2005б) и единодушно связываемых с кочевыми хазарами.

“Луганская” или “среднедонецкая” зона распространения памятников данного типа (Комар О.В., Пиоро В.Л., 1999) является северо-западной периферией соколовского ареала и характеризуется на данный момент низким процентом подбоев и погребений с целым скелетом коня (только к.4 Астахово). Подквадратные же ровики в бассейне Северского Донца пока зафиксированы только в Новониколаевке II (Евглевский А.В., Кудлай Ю.В. 2001), а в Северо-Западном Приазовье – только в Мелитополе (Болтрик Ю.В., Комар А.В., 2005); в донецком регионе отмечен и один курган с круглым ровиком (Белояровка к.6). Высказывалось также мнение о датировке хазарским временем двух подквадратных рвов на скифских курганах Волчанского могильника (Полякова О.А., 2005), но основания для этого, к сожалению, только косвен-

ных». Существование отдельного варианта “впускных” подквадратных ровиков на древних курганах должно все же быть аргументировано конкретными данными, например, керамикой из тризновского слоя заполнения ровиков, которая, как демонстрирует мелитопольский курган (Болтрик Ю.В., Комар А.В., 2005), иногда может оказаться даже более информативной, чем остатки инвентаря из погребения.

Появление соколовских памятников в степной части бассейна Среднего Донца (Астахово, Обозное, Новониколаевка II) в 40-50 гг VIII в. произошло синхронно появлению разнотипного салтовского населения в лесостепном Подонечье (Столбище, Дмитровка, Нетайловка, Старый Салтов, Тополи и др.), но ранее памятников зливкинского типа, наиболее ранние датированные погребения которых в регионе относятся только к кон. VIII в. (Комар О.В., 1999, с.166-167; Плетнева С.А., 1999, с.73-76). Соотношение “зливкинского” и “соколовского” ареалов несомненно требует дальнейшего исследования, но уже сейчас можно констатировать, что наиболее северная часть кочевий “соколовцев” (маркированная комплексами из Новониколаевки II и Обозного) отошла после переселения булгарам. В то же время погребение 2-й пол. VIII – 1-й пол. IX в. из Бобриково и ритуальный курган 2-й пол. IX – 1-й пол. X в. из Карпово-Крепинского (Комар О.В., Пioro В.И., 1999; Красильников К.И., 1978) с инвентарем уже “классического” салтовского облика свидетельствуют, что южная окраина современной Луганской обл. осталась за “соколовцами”. Естественной границей здесь выступил водораздел между Северским Донцом и Доном – в район Астахово, Карпово-Крепинского и Бобриково кочевники поднимались приблизительно из района современного Новочеркасска вдоль рек Тузлов и Крепкой; еще чуть западнее расположен к.6 Белояровка. Исключением опять выступает лишь погребение 1-й пол. IX в. из Горшковки, расположенное на р. Айдар.

Так сложилось, что вывод диссертации А.А.Иванова (Иванов А.А., 2000) о “культурной специфике” вещевого набора погребений типа Соколовской Балки и его отличия от “классического” облика инвентаря салтовских погребений устарел уже на момент своего рождения. Чуть раньше нами было продемонстрировано, что практически все предметы (за исключением разве что лепной посуды) на самом деле находят аналогии в могильниках салтовской культурно-исторической области (КИО), и их реальная специфика объясняется не культурными отличиями, а лишь хронологией – принадлежностью к наиболее раннему салтовскому горизонту Столбище-Старокорсунская (Комар А.В., 1999; 2000).

Собственно, ранняя хронологическая позиция курганов соколовского типа в системе салтов-

ских древностей была понята еще А.И.Семеновым (Семенов А.И., 1978; 1985; 1988), существование же самого “кочевого варианта” салтовской КИО было предугадано С.А.Плетневой (Плетнева С.А., 1967). Но культурное многообразие памятников салтовской КИО проявилось и здесь – вместо монолитной культуры кочевых хазар в Волго-Донских степях были обнаружены памятники с квадратными, прямоугольными, круглыми ровиками и без них, основные и впускные погребения с различной конструкцией погребального сооружения (подбои, ямы с запличиками, обычные ямы, катакомбы), разной ориентировкой (в западном или восточном секторе) (Круглов Е.В., 2005б). Кочевнические памятники VIII в. сразу двух типов: новинковского и уреньского, были открыты в Среднем Поволжье (Матвеева Г.И., 1997; Багаутдинов Р.С. и др., 1998).

Вопрос родственной связи памятников соколовского и уреньского типов, для которых характерен обряд сооружения подквадратного ровика, подняли Е.П.Казаков и С.А.Плетнева (Казаков Е.П., 1997; Плетнева С.А., 1999). Сложнее проблема в случае с к.1 Брусян III, расположенного в зоне памятников новинковского типа, для которых характерна конструкция насыпи с каменной обкладкой. Несмотря на то, что большинство невысоких грунтовых насыпей курганов новинковского типа расплылись от времени, их каменные панцири во многих случаях сохраняют отчетливые прямые линии хотя бы части сторон, указывая на первоначально подквадратную или подпрямоугольную форму курганов (Матвеева Г.И., 1997, рис.7; 11; 14; 27; 16; 36; 37; 52; 82; 94; 99; Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл. XX, 3; XXI, 2; XXIII, 1; XXVI, 1; XVIII, 6; XXX, 4; XXXIII, 1; LVIII, 8; LX, 5; LXVII, 1, 2; LXXII, 1).

Курган 4 Астахово I расположен слишком далеко от зоны распространения памятников новинковского типа, погребение отличается ориентировкой, но при этом по типу насыпи он может быть сопоставим с новинковскими курганами с подквадратной каменной крепидой. Возможно, астаховский курган в виде усеченной пирамиды и выступает тем самым связующим звеном, которое позволяет понять объединяющие черты раннесалтовских курганов различных типов: соколовского и уреньского, с одной стороны, и новинковского – с другой. Впрочем, речь идет и о культурных связях более высокого порядка, поскольку курган в виде невысокой усеченной пирамиды с каменной крепидой отражает традиции азиатских кочевников огромного региона от Южного Приуралья до Монголии и, одновременно, огромного хронологического периода от эпохи бронзы до позднего средневековья. В случае же с хазарами мы наблюдаем только эпизодический выплеск этой традиции в Восточную Европу.

- Азбелев П.П., 1990. Конструкции оград минусинских чаатасов как источник по истории енисейских кыргызов// Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Азбелев П.П., 1994. Погребальные памятники типа минусинских чаатасов на Иртыше// Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетия н.э. Кемерово.
- Аксенов В.С., 1999. Старосалтовский катакомбный могильник// ВА. № 2.
- Аксенов В.С., 2005. К вопросу о существовании памятников этнических хазар в верхнем течении Северского Донца// Хазары. Москва; Иерусалим.
- Аксенов В.С., Воловик С.И., 1999. Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье// ДА. № 3-4.
- Аксенов В.С., Михеев В.К., 2006. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII-X вв.// Хазарский альманах. Т.5. Харьков.
- Атавин А.Г., 1996. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья// Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
- Афанасьев Г.Е., 1993. Донские аланы. М.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара.
- Баранов И.А., 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья. К.
- Баранов Л.Н., 1975. Сооружение и сожжение таштыкского склепа// Первобытная археология Сибири. Л.
- Безуглов С.И., 2007. О монете из Большой Орловки (к оценке датирующих возможностей)// Средневековые древности Дона. Москва; Иерусалим.
- Безуглов С.И., Науменко С.А., 1999. Новые находки византийских и иранских импортов в степях Подонья// ДА. № 1.
- Болтрик Ю.В., Комар А.В., 2005. Хазарский курган на правом берегу р. Молочной// Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж.
- Бражник О.И., Кирсанов Р.С., Лифанов Н.А., 2000. Исследования Шелехметьского II курганно-грунтового могильника в 1999 г.// Краеведческие записки. Вып. IX. Самара.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993. Скалистинский могильник. К.
- Власкин М.В., Ильюков Л.С., 1990. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маньча// СА. № 1.
- Войтов В.Е., 1996. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. М.
- Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К., 1982. Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв.// Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М.
- Гавритухин И.О., 2005. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры)// Хазары. Москва; Иерусалим.
- Гафиуллина К., 2002. Культ горы в древнетюркской мифологии и его отражение в устном творчестве татарского народа// Древнетюркский мир: история и традиции. Казань.
- Голдина Р.Д., Вололаго Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.
- Голенко К.В., 1956. Имитация солида VII в. из Поднепровья// ВВ. Т. XI.
- Горбунов В.В., 2003. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть I. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул.
- Деревяно Е.И., 1987. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск.
- Дмитриев А.В., 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V-IX веков// Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М.
- Добжанский В.Н., 1990. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск.
- Евглевский А.В., Кудлай Ю.В., 2001. Культовый комплекс хазарского времени на р. Сухой Торез: опыт междисциплинарного исследования// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время. Донецк.
- Евдокимов Г.Л., Симоненко А.В., Загребельный А.Н., 1975. Отчет о раскопках курганов у с. Астахово Свердловского района Ворошиловградской области в 1975 г.// НА ИА НАН Украины. №1975/50.
- Засецкая И.П., 1993. Материалы боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. н.э.// МАИЭТ. Вып. III.
- Иванов А.А., 2000. Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград.
- Иванов А.А., 2001. Находки поясных наборов из курганов хазарского времени Нижнего Дона и Волго-

Донского междуречья// Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Т.2. Самара.

- Иванов А.А.**, 2002. О комплексе вооружения кочевников хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья// Хазарский альманах. Т.1. Харьков.
- Иванов В.А.**, 1987. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII-XIV вв.)// Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск.
- Ильюков Л.С.**, 2004. Очерки древней истории Донского края. Ростов-на-Дону.
- Казаков Е.П.**, 1997. Об этнокультурных компонентах народов юго-восточной Европы в Волжской Болгарии (по археологическим материалам)// Татарская археология. № 1.
- Камницкий В.Н.**, 1987. Алано-болгарский могильник близ станции Старокорсунской на Кубани// СА. № 4.
- Кляшторный С.Г.**, 2003. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.**, 1987. Комплекс вооружения кенкольского воина// Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск.
- Комар А.В.**, 1999. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы// ВА. № 2. К.
- Комар А.В.**, 2000. Горизонт Столбище – Старокорсунская и некоторые проблемы возникновения салтовской культуры // Finno-Ugrica. Вып. 1 (4). Казань.
- Комар А.В.**, 2001а. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время. Донецк.
- Комар А.В.**, 2001б. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа// Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Т.2. Самара.
- Комар А.В.**, 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.5. Хазарское время. Донецк.
- Комар О.В.**, 1999. Коментарі до статті: Тахтаї А.К. Погребальний комплекс хазарської епохи із округи г.Чистяково Сталинської області// ВА. № 2. К.
- Комар О.В., Піоро В.І.**, 1999. Кургани хозарського часу на Луганщині// ВА. № 2. К.
- Копылов В.П.**, 1979. Отчет о работе Донского отряда Ростовской экспедиции в 1979 г.// НА ИА РАН. Р-1, № 7831, 7831а.
- Копылов В.П.**, 1981. Раскопки курганов в Цимлянском районе// АО 1980. М.
- Копылов В.П., Иванов А.А.**, 2007. Погребение знатного воина хазарского времени из могильника Саловский// Средневековые древности Дона. Москва; Иерусалим.
- Копылов В.П., Смоляк А.Р.**, 1988. Торговые связи Византии с населением Нижнего Дона в конце VII – первой половине VIII в.// Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону.
- Красильников К.И.**, 1975. Отчет о спасательных работах погребения в с. Горшковка Новоайдарского района, Ворошиловградской области в 1975 г.// НА ИА НАНУ. № 1975/92.
- Красильников К.И.**, 1978. Раннепеченежское погребение в с. Горшковке// СА. № 4.
- Кропоткин В.В.**, 1962. Клады византийских монет на территории СССР. М.
- Круглов Е.В.**, 1990. О подкурганных захоронениях калмыко-астраханских степей хазарского времени// Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.
- Круглов Е.В.**, 1992. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли// СА. № 4.
- Круглов Е.В.**, 2002. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI-VIII вв. в восточноевропейских степях// Хазарский альманах. Т.1. Харьков.
- Круглов Е.В.**, 2005а. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время. Донецк.
- Круглов Е.В.**, 2005б. Хазары – поиск истины// Хазары. Москва; Иерусалим.
- Крыганов А.В.**, 1998. Отчет об археологических раскопках Нетайловского могильника в 1998 г.// НА ИА НАНУ. № 1998/50.
- Кубарев В. Д.**, 1984. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск.
- Кубарев Г.В.**, 2005. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск.
- Кубарев Г.В., Ахмедов И.Р., Журавлев Д.В.**, 2003. Катакомбное погребение с доспехом с Госпитальной улицы г.Керчи (предварительная информация)// Боспорские исследования. Вып.3. Симферополь.
- Кызласов Л.Р.**, 1979. Древняя Тува. М.
- Кызласов Л.Р.**, 1980. Чаатасы Хакасии// Вопросы археологии Хакасии. Абакан.
- Лимберис Н.Ю.**, 1987. Работы Краснодарской экспедиции// АО 1986. М.
- Магомедов М.Г.**, 1983. Образование Хазарского каганата. М.

- Майко В.В.**, 2004. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. К.
- Матвеева Г.И.**, 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.
- Могильников В.А.**, 1981. Тюрки// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Могильников В.А.**, 2002. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI веках. М.
- Моруженко А.А., Санжаров С.Н., Посредников В.А.**, 1984. Отчет об археологических исследованиях курганов в Донецкой области в 1984 году// НА ИА НАНУ. № 1984/84.
- Овчинникова Б.Б.**, 1990. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X веках. Свердловск.
- Парусимов И.Н.**, 1998. Раскопки курганов в Зимовниковском районе// Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып.3. Новочеркасск.
- Плетнева С.А.**, 1967. От кочевий к городам// МИА. № 142.
- Плетнева С.А.**, 1981. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Плетнева С.А.**, 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
- Плетнева С.А.**, 1999. Очерки хазарской археологии. М.
- Полякова О.А.**, 2005. Два кургана с подквадратными ровиками из могильника Волчанск на западной окраине Хазарского каганата и их функциональное назначение// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время. Донецк.
- Прокофьев Р.В.**, 2005. Курган с квадратным ровиком редкой конструкции// Археологические записки ДАО. Вып.4. Ростов-на-Дону.
- Рунич А.П.**, 1979. Раннесредневековые склепы Пятигорья// СА. № 4.
- Савин А.М., Семенов А.И.**, 1998. О центральноазиатских истоках лука хазарского типа // Военная археология: оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.
- Савинов Д.Г.**, 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.
- Семенов А.И.**, 1978. Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону// Проблемы археологии. Вып.2. Л.
- Семенов А.И.**, 1982. Центральноазиатские параллели погребальному обряду населения Хазарского каганата// XII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М.
- Семенов А.И.**, 1985. Художественный металл Романовского погребения на Дону// Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л.
- Семенов А.И.**, 1988. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы// АСГЭ. Вып.29.
- Семенов А.И.**, 1991. Византийские монеты Келегейского комплекса// АСГЭ. Вып.31.
- Семенов А.И.**, 1993. О датирующих способностях византийских солидов VII-VIII вв.// II-я Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Семенов А.И.**, 1997. К оценке различий погребального обряда курганных захоронений типа Сивашовки и типа Соколовской балки// Древности Кубани. Краснодар.
- Скорый С.А.**, 1990. Курган Переп`ятиха. К.
- Тахтай А.К.**, 1999. Погребальный комплекс хазарской эпохи из окрестности г.Чистяково Сталинской области// ВА. № 2. К.
- Уварова П.С.**, 1902. Коллекция Тифлисского музея. Т.V. Тифлис.
- Урусманова Э.Р., Варфоломеев В.В.**, 1998. Уйтас-Айдос – могильник эпохи бронзы// Вопросы археологии Казахстана. Вып.2. Алматы; Москва.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1984. Погребения хазарского времени из урочища "Кривая Лука" в Нижнем Поволжье// Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово.
- Флёров В.С.**, 1993. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград.
- Флёров В.С.**, 2000. Розыскания по обряду обезвреживания в раннесредневековой Восточной Европе// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.
- Флёров В.С.**, 2005. Обряд обезвреживания погребенных Хазарии на археологическом фоне Восточной Европы в I тыс.н.э.// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время. Донецк.
- Худяков Ю.С.**, 1980. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. Новосибирск.
- Худяков Ю.С.**, 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск.
- Худяков Ю.С.**, 1991. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск.
- Худяков Ю.С., Соловьев А.И.**, 1987. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии// Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск.

- Швецов М.Л.**, 1979. Половецкие святилища// СА. № 1.
- Яценко В.В.**, 2007. Подкурганное захоронение VIII-IX вв. у г.Пролетарска// Средневековые древности Дона. Москва; Иерусалим.
- Bezuglov S.I., Naumenko S.A.**, 1999. Kazar kori kurgan az Also-Donnal// Studia Archaeologica. Szeged. T.V.
- Daim F.**, 1987. Das awarische Graberfeld von Leobersdorf, NÖ. B.1. Wien.
- Dien A.E.**, 2000. Armor in China before the Tang dynasty// JEAA 2. N 3-4. Leiden.
- Grierson Ph.**, 1965. Two Byzantine Coin Hoards of the Seventh and Eighth Centuries// *Dumbarton Oaks Papers*. Vol.19.
- Grierson Ph.**, 1968. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks collection and the Whittemore collection. Vol.2. Part 2. Washington.
- Hong Y.**, 2000. Lamellar armor and horse bardings in Yamato and Kogury and their connections with China// JEAA 2. N 3-4. Leiden.
- Ierusalimskaja A.A.**, 1996. Die Gräberfeld der Moščevaja Balka. München.
- Kiss A.**, 2001. Das awarenzeitliche Gräberfeld in Kölked-Feketekapu B. T.II. Budapest.
- Morrisson C.**, 1970. Catalogue des monnaies byzantines de la Bibliotheque Nationale. T.1. Paris.
- Stadler P.**, 2005. Quantitative Studien zur Archaologie der Awaren I. Wien.
- Vryonis S.**, 1963. An Attic Hoard of Byzantine Gold Coins (668-741) from the Thomas Whittemore Collection and the Numismatic Evidence for the Urban History of Byzantium// *Зборник Радова византолошког института*. T.VIII. Београд.
- Zironkina O.**, 1997. Seltene Perlenformen des chasarenzeitlichen Graberfeldes von "Netailovka" (Metallovka) am Nordlichen Donec (Severskij Donec)// *Perlen. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte*. B.1. Bonn.

Summary

A.V.Komar (Kiev, Ukraine)

BARROWS OF 8TH CENTURY A.D. NEAR ASTAKHOVO VILLAGE

The paper analyses excavation finds of barrow 4 of Astakhovo I and barrow 13 of Astakhovo III (the Don river basin) that was built in the Khazarian time and later was used by the Polovtsy as a sacral place. Original Khazarian barrow was constructed with black soil and stone cover and had a shape of a flat pyramid (with the square side 14 m at the bottom and 6 m at the top). SW-NE orientated grave contained only remains of human and horse skeletons and grave goods due to grave robbing or some kind of a ritual in the Khazarian time. Preserved grave goods are as follows: a gold application – a copy of a Byzantine solidus of Constantine IV (681-685 A.D.); a silver application of a belt; a bronze pendant of a belt or a harness; an iron buckle; arrowhead and bone detail of the composite bow; iron plates, possibly, from armour; a fragment of the hand-made pottery. Barrow 13 of Astakhovo III presents burial with similar funeral rite but remains of burials goods here is much poorer: iron knife, bone plates from composite bow and saddle. Both Astakhovo barrows belongs to the NW group of the Sokolovskaia Balka type barrows and can be dated to the middle of the 8th century A.D.

Статья поступила в редакцию в июне 2008 г